

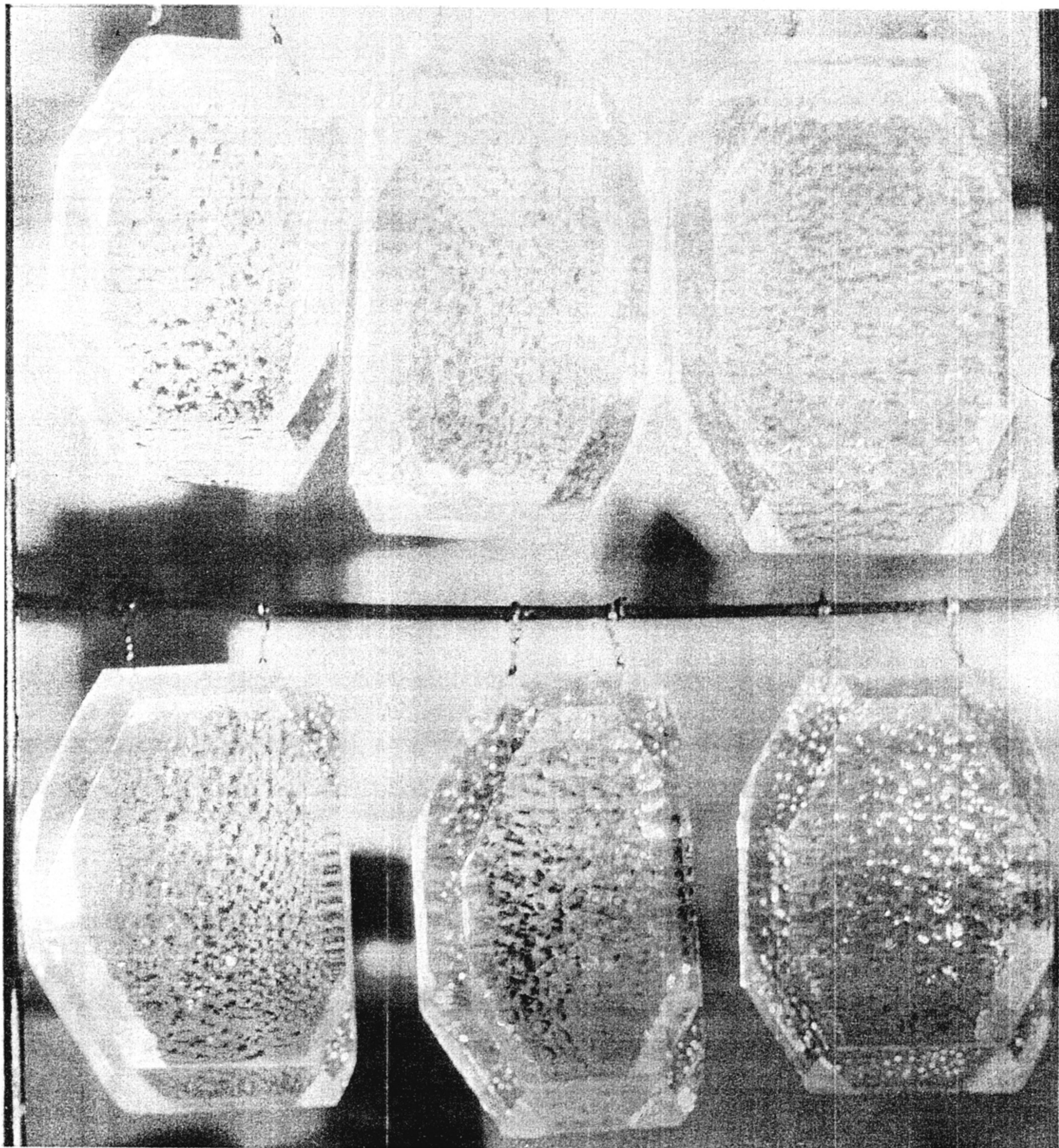
ISSN № 0130—1640

Знание—сила 8/80

Ежемесячный научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Орган ордена Ленина
Всесоюзного общества
«Знание»

№ 638
55-й год издания

Овощи, полученные гидропонным методом, теперь вряд ли кого могут удивить. Но драгоценные камни, выращенные из питательных растворов,— может ли это быть? Кристаллы горного хрусталя, которые вы видите перед собой, выращены на опытно-экспериментальном заводе при Всесоюзном научно-исследовательском институте синтеза минерального сырья. О том, как ученые института создают редкостной красоты кристаллы; вы узнаете из статьи И. Усейновой «Фермы» для самоцветов».

Фото В. Бремля.

Д. ЛИХАЧЕВ,
академик

Русь перед Куликовской битвой

Вторая четверть XIII века отмечена в русской истории трагическими событиями монголо-татарского нашествия. Необычайные военные успехи монголов вселили ужас в европейские народы. В 1207 году монголы покорили Южную Сибирь, в 1211 году — Китай, затем Туркестан, Афганистан, Персию. Крупнейшие культурные очаги Средней Азии — Самарканд, Бухара, Мерв — лежали в развалинах. В 1221—1223 годах полчища монголо-татар захватили Кавказ и Закавказье. В 1236 году они переправились через Яик и покорили Волжскую Болгарию. В 1237 году пала старая Рязань, разрушенная до основания после ожесточенного сопротивления, затем пали Москва, Владимир. Ордынцы рассеялись по русским городам и селам, «посекая людей, как траву». Через два года ордынцы овладели Киевом, затем вторглись в Галицию и Волынь, опустошили Польшу, Силезию, Моравию, Венгрию и в 1241 году появились под стенами Вены, всюду сея смерть и разрушение.

Кто были те племена, которые жестоко покорили себе Русь, снесли с лица земли целые города, уничтожили многие ремесла, уведя с собою в Азию русских ремесленников? Русские летописи дают на это выразительный ответ: «Их же добре никто же ясно весть (знает.— Д. Л.): кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и коего племени суть».

И в самом деле, кочевники, которых вел на Русь Батый, не стали еще нациями. Разнообразные племена были объединены военно-кочевым государством, державшимся походами и захваченной военной добычей. Тут, очевидно, были племена — и монгольские, и тюркские, и угро-финские. Летописи и быliny называют их «татарами», мы обычно — монголо-татарами, но ни к будущему татарскому народу, в основу которого среди прочих лег и народ болгар, ни к современным монголам прямого отношения они не имели. Завоеватели, пришедшие с Батыем, сами растворились в кипчакской среде.

Монголо-татарское нашествие на Русь было воспринято как космическая катастрофа, как вторжение потусторонних сил, как нечто невиданное и непонятное. Не случайно знаменитому русскому проповеднику XIII века Серрапиону Владимирскому для выражения своего впечатления от нашествия приходили на память образы землетрясения. И действительно, катастрофические события второй четверти XIII века могут быть уподоблены землетрясению.

Постепенно, однако, Русь возрождается и крепнет. Возникают новые центры экономической и политической жизни.

В начале второй половины XIII века Мо-

сква еще была одним из небольших и самых бедных княжеств Северо-Восточной Руси. Именно поэтому досталась она одному из младших сыновей Александра Невского — Даниилу Александровичу, от которого повелся затем род московских князей «Даниловичей». Но выгодное географическое положение Москвы в центре Северо-Восточной Руси, хорошо защищенной окраинными русскими княжествами от опустошительных набегов кочевников, удобство речных и сухопутных торговых путей, связывавших Москву с Болгою и северо-западом Руси, привели к быстрому росту ее населения, богатства и влияния.

Именно здесь, в Москве, зреет мысль об объединении всей Руси. Московские князья принимают титул великих князей «всей Руси», московские летописцы ведут единственное в своем роде общерусское летописание, следя за событиями всех русских княжеств. Дмитрий Донской принимает на себя защиту общерусских интересов и от татар, и от Литвы.

Постепенно создается представление о грозной единодержавной власти московских великих князей. Подходя под высокую руку московского государя, русские князья и городские общины обещают держать его государство «честно и грозно». «Грозными» назывались Василий Темный, его сын, Иван III и правнук, Иван IV. С этим прозвищем, не имевшим первоначально отрицательного смысла, связано неуклонное нарастание руководящей роли московских государей во внешних и внутренних отношениях Руси.

Московские князья не похожи друг на друга. Иван Калита, Симеон Гордый, «кроткий, тихий, милостивый» Иван Иванович — все они разные. Среди них есть и дерзкие, как Дмитрий Донской, и осторожные, как Василий Дмитриевич или Иван III, тонкие книжники, как Иван Калита, и люди некнижные, как Василий Васильевич. Одни из них начали княжить в молодые годы, другие вступили на княжение «средовоками». Но все они жили одной идеей, одними заботами. Не гений отдельных лиц владел политической Москвой, но неизменная, передававшаяся из рода в род политическая мысль, укоренившаяся в правящем классе. Несходные личной судьбой и личными характерами, все московские князья схожи тем не менее между собою поразительным единством своей политики. Именно поэтому Ключевский сказал о московских князьях, что все они «как две капли воды похожи друг на друга». Ни одно европейское государство XIV—XV веков не знает такой неизменной, единообразной и упорной в достижении ши-

роко поставленных задач политики. Всеми московскими князьями владела забота о государственном самосохранении. Упрямо, настойчиво, постоянно московские великие князья собирали земли, собирали богатства, население, самую власть.

Экономическое развитие русских земель, развитие ремесел и общественное разделение труда, приведшее к интенсивному экономическому общению областей, подготовляло политическое объединение страны в единое централизованное государство.

Кроме того, внешняя опасность, непрерывно тяготевшая над русскими княжествами на чрезвычайно протяженных восточных, южных и западных границах Руси, требовала создания централизованного государства. Именно поэтому росло сочувствие населения сильной и «грозной» власти великого князя, способной дать народу защиту и «тишину».

Создания сильного централизованного государства с сильной властью, с сильным войском, с единой территорией требовали интересы торговли, интересы ремесла, интересы землевладения, интересы обороны страны, в конечном счете — интересы всего населения.

* * *

В годы, когда под ударами батыевой рати и последующих нашествий никли и гибли государственные устои, особенно остро встала необходимость сохранения старого русского культурного наследия, государственных традиций эпохи национальной независимости. В национальных традициях домонгольской Руси была та сдерживающая сила, которая могла быть противопоставлена разрушительному и тлетворному дыханию чужеземного ига.

Особенное значение придается в разных княжествах Руси великокняжеской власти Владимира. Владимирские князья, единственные из князей, носившие на северо-востоке Руси титул «великих», были накануне монголо-татарского нашествия сильнейшими русскими князьями, чей авторитет высоко стоял не только в русских землях, но и в Византии.

Московские великие князья ездили во Владимир на «поставление» подобно западным императорам, венчавшимся железной короной в Павии, французским королям, коронованным в Реймсе.

Дмитрий Донской первым стал на ту точку зрения, что Москва является наследницей

Владимира. Эта идея властно заявлена им в договоре с тверским князем и в духовной, в которой он завещает старшему сыну Владимировское княжение как свою вотчину.

Во второй половине XIV и в начале XV века Москва неустанно занята возрождением всего политического и культурного наследия Владимира: в Москве возрождаются строительные формы Владимира, его живописная школа, его традиции письменности и летописания. В Москву переводятся владимирские святыни, становящиеся отныне главными святынями Москвы. В Москву же перекочевывают и те политические идеи, которыми руководствовалась великокняжеская власть во Владимире. И эта преемственность политической мысли оказалась и действенной, и значительной, придав уже в XIV веке политике московских князей необычайную дальновидность и поставив перед ней определенные цели.

Но владимирские князья были потомками киевского князя Владимира Мономаха, они носили титул великих князей, занимая его у киевских. Московские князья, настойчиво добивавшиеся ярлыка на Владимировское великое княжение, так же, как и владимирские, видели в себе потомков Владимира Мономаха — ими владела идея киевского наследия. В их городе с начала XIV века проживал митрополит «кевский и всея Руси», и они считали себя законными наследниками киевских князей: их земель, их общерусской власти.

Борьба за киевское наследство широко разворачивается в княжение Дмитрия Донского.

Борьба Москвы за Киев как центр русской православной церкви постепенно переходит в борьбу за старые земельные владения киевских князей, отныне объявляемые «вотчинами» московских государей. Московские князья претендуют на все наследие Владимира I Святославича и Владимира Мономаха, на все наследие князей Рюрикова дома.

Борьба за киевское наследство была борьбой с Литвой и с Польшей за русские земли, но она же была и борьбой с Ордой, поскольку киевское наследство было наследством национальной свободы. И означала эта борьба тяжкий политический труд по созданию русского национального государства.

* * *

XIV век — век Предвозрождения — является одновременно веком интенсивного сложения элементов национальных культур по всей Европе. Момент национального самосознания — один из самых показательных для эпохи нарождающегося гуманизма.

В России в XIV—XV веках начинает складываться русская национальная культура. Национальные элементы отдельных культур, возникнув почти одновременно по всей Европе, в России получают реальную опору в организации собственного национального Русского государства. Вот почему национальное своеобразие русской культуры XIV—XV веков выражено особенно отчетливо.

Предвозрождение резко изменило культурное лицо средневековья. В XIV веке по всей Европе рвутся монументально-неподвижные теологические построения XIII века; систематически нарушаются выработанные в предшествующие века каноны искусства, вводятся новые темы, вступают в силу новые отношения. Религиозное искусство значительно психологизируется. Само христианство, рассудочное, схоластическое в предшествующие века, стремившееся к созданию энциклопедического знания и грандиозных теологических построений, получает новую опору в эмоциональных переживаниях личности. Вместо сухих и монументальных философско-богословских построений, вместо энциклопедических сочинений XIII века (Винченца де Бовэ, Фомы Кантимпратана, Варфоломея Английского и других) и столь же энциклопедических скульптурных систем и витражей соборов Шартра, Лиона, Парижской богородицы, Амьена, Руана и других религий в XIV веке стремятся найти опору в узко личных психологических и мистических переживаниях человека. Индивидуализм и субъективизм рождаются в недрах самой религии, чтобы затем в дальнейшем опрокинуть и сами религиозные построения средневековья. Изобразительное искусство широко раскрывается для слож-

ных повествовательных сюжетов, могущих вызвать сочувствие зрителей. В живописи и скульптуре проникают темы личных страданий, интерес к человеческой психологии. Колоссальные по размерам мистерии XIV века питают новые интересы средневековых зрителей. «Искусство спускается из области чистых идей в область чувств; мало-помалу оно перестает быть служанкой теологии», — говорит об этой поре крупнейший исследователь искусства средневековья Эмиль Маль.

Повышенный интерес к человеческой личности, к ее психологии, первые проблески эмпирического наблюдения природы были особенно благоприятны для сопутствовавшего им интереса и ко всему национальному.

Могучие токи нового предвозрожденческого движения захватили не только всю Западную Европу, Византию, но также Псков, Новгород, Москву, Тверь, весь Кавказ и часть Малой Азии. На всем пространстве этой огромной территории мы встречаемся с однородными явлениями, вызванными развитием демократической жизни в городах и усиленным культурным общением стран. Многие черты этого предвозрожденческого движения сказались на Руси с большой силой.

Расцвет новгородской фресковой живописи XIV века был во многом обусловлен мировыми связями Новгорода. Наблюдение природы, которое внесли в свое искусство византийские мастера мозаики и фресок, а вслед за ними Чимабуэ, Джотто и Дуччо, естественный ландшафт, натуральные человеческие фигуры, элементы перспективы и светотени, сильное движение в композициях, появление сложных повествовательных сюжетов и попытки отобразить человеческую психологию — все это живо отразилось и в новгородских фресках второй половины XIV века — в фресках церкви Михайло-Сквородского монастыря, Спаса Преображения, Федора Стратилата, Вологова, Рождества на кладбище, Ковалева.

То немногое, что мы знаем о Москве второй половины XIV века, позволяет говорить об аналогичном подъеме московской живописи. Здесь, в Москве, по-настоящему созрела национальная школа живописи, величайшим представителем которой на рубеже XIV и XV веков выступает гениальный русский художник Андрей Рублев.

Слава русских художников этой поры была настолько велика, что их приглашали работать далеко за пределами родины. Остатки фресок, приписываемых древнерусским мастерам, сохранились в Польше, где в эпоху королей Ягелло и Казимира русские иконники работали в королевском замке в Вавеле, в Кракове, в Святокрестецком монастыре на Лысой горе, в Люблине и Гнезно. Новгородские фрески частично сохранились на острове Готланде в городе Висбю. Новгородских мастеров приглашали расписывать церкви Ганзейской колонии в Новгороде. Русские мастера ездили работать и в Золотую Орду.

Дух историзма, столь свойственный древнерусской политической мысли, литературе, грандиозно развившемуся летописанию, пронизывал и русское средневековое искусство. Зодчество и политика, зодчество и историческая мысль были тесно объединены между собою. Возведение крупных архитектурных сооружений всегда имело в Древней Руси определенный исторический смысл, с ними связывались перемены в политическом положении княжества, к ним приурочивалось создание новых летописных сводов. Вот почему древнерусские города не знали городских скульптурных монументов в память тех или иных событий и героев; их заменяли сами архитектурные сооружения, знаменовавшие собою целые исторические этапы и всегда овеянные роем исторических воспоминаний.

Так было и в Москве. Постройками Московского Кремля при Дмитрии Донском и Иване III были ознаменованы крупнейшие изменения в политическом положении Москвы.

В 1366 году (по другим сведениям — в 1367 году) началось строительство нового каменного Московского Кремля на месте деревянных укреплений Ивана Калиты. Московская летопись так записала об этом событии: «Тое же зымы (1366 года) князь великий Дмитрий Иванович, погадав (обсудив) с братом своим, с князем Володимиром Андреевичем и с всеми бояры старейшими,

и сдумаша ставити город камен Москву, да еже умыслиша, то и сътвориша, тое же зымы повезоша камень к городу».

Москва становилась неприступной для врагов. Нашествия Ольгерда на Москву в 1368, и в 1370 годах были безуспешны. Ее авторитет возрос чрезвычайно. И не случайно, когда в 1375 году Дмитрий Донской двинулся к Твери, к его полкам примкнули девятнадцать русских князей.

Идеологическое значение зодчества в полной мере сказилось в строительстве Дмитрия Донского накануне Куликовской битвы. Готовясь к решительному сопротивлению татарам, Дмитрий Донской строит монастыри и храмы на южных рубежах своего княжества — как бы навстречу врагу. Грандиозные храмы на границах Руси должны были знаменовать уверенность и готовность к сопротивлению русского народа.

Еще одна черта, идеологически освещающая всю русскую архитектуру второй половины XIV—XV века, должна быть отмечена в связи с общим предвозрожденческим характером русской культуры этого времени — стремление к возрождению архитектурных форм домонгольской Руси.

Обращение ко временам национальной независимости, повышенный интерес к «своей античности» — к старому Киеву, к старому Владимиру, к старому Новгороду — отразился и в усиленной работе исторической мысли в составлении многочисленных и обширных летописных сводов, исторических сочинений в обостренном внимании к произведениям XI — начала XIII века: к «Слову о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, «Повести временных лет», к «Слову о полку Игореве», к «Киево-Печерскому патерику» и т. д. В этом возвращении к древности искали русские опору для своего культурного возрождения.

Русская культура конца XIV — начала XV века несет в себе, с одной стороны, черты уравновешенной, уверенной в себе древней культуры, опирающейся на сложную культуру старого Киева и старого города Владимира, а с другой — порагает гибким починением насущным задачам своего времени. Вместе с тем в ней явственно сказывается органическая связь с культурой всего восточноевропейского предвозрождения.

Подводя итог, можно сказать, что развитие русской культуры в XI — начале XIII века представляет собой непрерывный поступательный процесс, который накануне монголо-татарского нашествия достиг своей наивысшей ступени: в живописи — новгородские фрески, в архитектуре — владимиро-суздальское зодчество, в литературе — летописи и «Слово о полку Игореве». Монголо-татарское нашествие внешней силой, искусственно, затормозило интенсивное развитие древнерусской культуры.

Только исключительно тяжелым гнетом монголо-татарского ига может быть объяснена та задержка в культурном развитии Руси, которая наступила с середины XIII века — с того самого времени, когда как раз особенно интенсивным становится культурное развитие Западной Европы.

Нашествие тяжело отразилось на всей книжной образованности древней Руси.

Древнейшие очаги русской письменности гибли под ударами ордынцев, сметавших с лица земли города и села, а вместе с ними и ценнейшие книжные собрания, накопленные за несколько веков существования русской книжности.

В тяжелые годы злого ордынского ига русские люди прятали книги в каменных церквях, где они могли надежнее всего уберечься от пожаров и грабежей. Груды их лежали до самых сводов. Но и каменные стены не спасали книги: их дочиста уничтожали враги.

Лишь Новгород и Псков, куда не докатился опустошительный вал монголо-татарского нашествия, сохранили свою книжность и впоследствии в течение многих веков до самого XVIII века снабжали русские города древнейшими рукописями. И сейчас еще больше всего рукописей домонгольской эпохи, хранящиеся в наших крупнейших библиотеках, — новгородские или псковские по своему происхождению.

Губительные последствия чужеземного ига сказались не только на сохранности книжны

богатств: резко падала и сама грамотность. Это заметно по тому, как уменьшаются в XIII веке число образованных писателей, как беднеет и сужается летописное дело, как мало сохранилось от этого времени выдающихся литературных произведений. Лишь во второй половине XIV века, когда русские города постепенно оправляются от ударов ордынцев, начинается необычайно быстрый рост русской образованности.

Тем не менее и в годы тяжкого «томления и муки» монголо-татарского ига культурная жизнь Руси продолжала теплиться. Русский народ сохранил интерес к своему прошлому.

Идеи осознанного национального единст-

ва — единства русского народа и единой русской земли, возникшие чрезвычайно рано — в X и XI веках, — бережно сохранялись на северо-востоке после монголо-татарского нашествия, чтобы вылиться затем в твердую политическую программу собирания «всей Руси»: ее земель, ее народа и ее культуры.

Конец XIV и начало XV века — эпоха крутого подъема. время разнообразного и напряженного творчества, время интенсивного сложения русской национальной культуры. Московские, новгородские, тверские, псковские, владимирские зодчие, живописцы, писатели соединяют в общем труде свои знания и художественные навыки. Местные культурные течения периода феодальной

раздробленности, выявившие многообразие русского творческого гения, сливаются в единый и могучий поток русской национальной культуры.

Этот культурный подъем проходит во всех областях под знаком возрождения традиций эпохи национальной независимости, под знаком собирания всего наследия Киевской Руси — наследия политического и культурного. Древний Киев и его князь Владимир I Святославич становятся в сознании русских людей представителями Руси — страны и народа.

Именно в этот период складываются своеобразные черты русской государственности, русской культуры, русского характера.